

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

verigin@petrsu.ru

ФИНСКАЯ ОККУПАЦИЯ КАРЕЛИИ В 1941–1944 ГОДАХ: ДИСКУССИИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ФИНЛЯНДСКИМИ ИСТОРИКАМИ

Аннотация. Актуальность обращения к вопросу финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах вызвана усилением дискуссий между российскими и финляндскими историками о сущности финского оккупационного режима, его влиянии на положение гражданского населения, оказавшегося на занятой противником части территории Карело-Финской ССР. В основе дискуссий – вопрос о геноциде финской администрации против мирных граждан Карелии. Большинство финляндских исследователей, признавая факты преступлений в отношении гражданского населения, отрицают сам термин «геноцид», считая, что финский оккупационный режим в Карелии существенно отличался от нацистского режима, установленного Германией на оккупированных территориях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Выделяются и другие дискуссионные вопросы: концлагеря и трудовые лагеря, численность людей, погибших в местах принудительного содержания, факты коллаборационизма среди местного населения и др. Материалами для написания статьи послужили российские и финляндские исследования по данной проблеме, мемуарная литература. Новизна исследования определяется введением в научный оборот рассекреченных архивных документов из фондов российских государственных и ведомственных архивов.

Ключевые слова: финская оккупация, Карелия, Великая Отечественная война, историография, концлагерь, геноцид

Для цитирования: Веригин С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799

ВВЕДЕНИЕ

Проблема оккупационной политики финской администрации на захваченной территории Советской Карелии в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии война между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах называется «война-продолжение»), преступлений финского режима против мирного гражданского населения до настоящего времени является важной и актуальной как с научной, так и политической точки зрения. Ее освещение началось еще в военный период, когда Финляндия выступила против СССР на стороне нацистской Германии. В 1944 году и в Финляндии, и в СССР выпустили книги на финском языке – Вели Мерикоски «Финское военное руководство в Восточной Карелии в 1941–1944 гг.» [22] и Отто Вилле Куусинена «Финляндия без маски» [19]. Цель этих изданий – представить определенное мнение о Финляндии на международной политической арене.

Профессор В. Мерикоски, бывший в период военных действий сотрудником Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), попытался доказать отсутствие фактов нарушения Финляндией международных норм обращения с гражданским населением, акцентируя внимание на лояльном отношении финского оккупационного режима к родственному (финно-угорскому) населению, при этом тяжелое положение русского (не национального) населения явно отшло на второй план. Основной упор он сделал на тезисе о том, что Финляндия в 1941–1944 годах вела против СССР отдельную войну от Германии («войну-продолжение»), а потому финский оккупационный режим в Карелии нельзя отождествлять с немецко-нацистским режимом, установленным в других оккупированных регионах СССР. Этот тезис лег в основу концепции финляндской историографии о финском оккупационном режиме в Карелии, которая господствовала вплоть до середины 1980-х годов.

Противоположную позицию по этому вопросу занимал видный деятель международного коммунистического и рабочего движения Отто Вилле Куусинен, который после поражения революции в Финляндии в 1918 году эмигрировал в Советскую Россию. В 1920–1930-е годы он работал в Коминтерне. В период Великой Отечественной войны занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В книге «Финляндия без маски» Куусинен, опираясь на широко известные факты, показал, что Финляндия была верной союзницей нацистской Германии и вела захватническую войну против СССР. Он привел многочисленные примеры преступлений финского оккупационного режима против мирных граждан, оказавшихся в зоне оккупации финских войск на территории Советской Карелии.

* * *

В послевоенный период вплоть до конца 1980-х годов и в финляндской, и в советской историографии тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, и особенно преступлений финнов против мирного гражданского населения, не считалась важной и актуальной для научных исследований. Это было вызвано прежде всего тем, что на основе Договора 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией сложились прочные добрососедские отношения. В 1950–1980-е годы в советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что в период холодной войны эти отношения были хорошим примером взаимодействия стран с различным социально-общественным строем. Обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы советско-финляндской истории, к которым несомненно относилась и проблема финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах.

На слабом изучении данной проблемы в 1950–1980-е годы сказывалась и узость источников базы. Правда, на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания в СССР были опубликованы сборники документов Чрезвычайной государственной комиссии по преступлениям финских захватчиков на временно оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах¹. Однако по вышеуказанным политическим причинам эти документы оказались не востребованы. Сказалось также и то обстоятельство, что финские военные преступники не проходили по Нюрнбергскому трибуналу – международному процессу над бывшими руководителями нацистской Германии

в 1945–1946 годах, а по договоренности между руководством СССР и Финляндией судебные процессы над финскими военными преступниками были отнесены к финляндскому правосудию. Но в 1950–1980-е годы и в СССР, и в Финляндии выходили немногочисленные исследования, которые затрагивали проблему финского оккупационного режима в Советской Карелии в годы войны. В финляндской историографии следует выделить публикацию в 1982 году докторской диссертации Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии² при финском оккупационном режиме 1941–1944» [20]. Следует подчеркнуть, что Лайне освещает финский оккупационный режим в Карелии в 1941–1944 годах не только как последовательность конкретных действий и мероприятий ВУВК, но и как результат осуществления на оккупированной территории Восточной Карелии идеи Великой Финляндии, сформировавшейся в Финляндии еще в начале XX века. Он отмечает, что в основу финской оккупационной политики был положен принцип разделения местного населения на национальное (финно-угорское) и не национальное (русское и другое не финно-угорское) население. Этнически родственных финнам жителей Восточной Карелии (карел, вепсов, ингерманландцев, советских финнов) пытались воспитать достойными гражданами Великой Финляндии, их включали в политическую и хозяйственную деятельность, для них создавалась медицинская система, организовывалось школьное образование и т. д. Русское и другое не финно-угорское население изолировалось в концлагеря с целью последующего выселения за границы Великой Финляндии [20: 484–485]. Лайне был одним из первых финских исследователей, кто затронул тему финских концлагерей для мирного гражданского населения. К недостаткам данной работы следует отнести то, что в силу сложившихся тогда обстоятельств автор не смог привлечь к исследованию документы из советских архивов.

В 1970-е годы проблемой оккупационной политики Финляндии на территории Восточной Карелии в 1941–1944 годах стал заниматься военный историк, бывший подполковник финской армии Хельге Сеппяля. Во время войны Финляндии против СССР он был солдатом оккупационных войск в захваченном финнами Петрозаводске, охранял заключенных, отправленных на принудительные работы на Онежский завод. Возможно, его собственный опыт оказал влияние на объективное освещение финской оккупацион-

ной политики в Карелии в 1941–1944 годах. Уже в начале 1970-х годов в своих трудах он сформулировал ее суть как реализацию экспансионистского по своей природе проекта создания Великой Финляндии [25]. В отличие от многих других финских военных историков Сеппяля работал с российскими документальными материалами, а также опрашивал малолетних узников финских концлагерей в Петрозаводске. В 1980-е годы он опубликовал две работы – «Финляндия как агрессор» [26] и «Финляндия как оккупант» [27], последняя была переведена на русский язык и опубликована в двух номерах журнала «Север» за 1995 год [14]. В этих и других своих работах о финской оккупации Карелии Сеппяля стремился в комплексе показать политические, идеологические и экономические цели финской администрации на оккупированной территории Карелии.

В советской историографии 1950–1980-х годов, так же как и финляндской, тема финского оккупационного режима не нашла широкого освещения. Так, в вышедшем в 1964 году фундаментальном историческом труде «Очерки истории Карелии. Том 2», который охватывал период истории края от Октябрьской революции 1917 года до середины 1960-х годов, финскому оккупационному режиму в Карелии отведено всего три страницы [11]. В качестве исключения можно привести только монографию карельского историка К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны», вышедшую в Петрозаводске в издательстве «Карелия» в 1983 году [10]. Несмотря на некоторую узость источников базы (не все архивные документы были доступны автору в тот период) и неизбежность учета идеологических ограничений 1970-х – середины 1980-х годов, данная книга остается единственным в советский период комплексным исследованием истории Карелии в годы Великой Отечественной войны и представляет несомненную ценность и для современных исследователей. В книге отдельно выделен раздел об оккупационной политике ВУВК на захваченной территории республики в 1941–1944 годах, большое внимание уделяется описанию финских концлагерей, созданных как для гражданского населения, так и для военнопленных. В указанный период в Карелии была фактически закрыта и тема малолетних узников финских концлагерей, проживавших в это время на территории республики и за ее пределами.

Период перестройки и гласности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов снял идеологические ограничения на исследование ранее

закрытых проблем, открыл доступ исследователям к прежде секретным архивным документам советских государственных и ведомственных архивов. Появилась возможность по-новому взглянуть на военные события на Севере в период Второй мировой войны, в том числе и на политику Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в военные годы. Все это способствовало появлению монографий и статей карельских историков, рассматривавших различные стороны финского оккупационного режима, в том числе и его преступления против мирного гражданского населения [1], [2], [4], [9], [15], [16], [17].

Значительное расширение тематики исследований по истории Карелии периода Второй мировой войны в 1990-е – начале 2000-х годов, включая проблему финского оккупационного режима в Карелии, активизировали научные исследования по данной теме и в соседней Финляндии. Многие из трудов финляндских историков были переведены на русский язык и переизданы в России. Среди них выделим монографию Юкки Куломаа «Яанислинна. Годы финской оккупации Петрозаводска, 1941–1944» [18], вышедшую в 1989 году и посвященную всестороннему изучению финского оккупационного режима в Петрозаводске, переименованном финнами в военный период в г. Яанислинна («Крепость на Онего»). В 2006 году в Петрозаводске книга Юкки Куломаа была переведена на русский язык и переиздана Военно-историческим обществом Республики Карелия [5]. В ней содержится обширная информация о концентрационных и переселенческих лагерях в Петрозаводске, о деятельности оккупационной администрации в сфере использования узников в качестве рабочей силы,дается анализ санитарного состояния, заболеваемости и причин смертности в петрозаводских концлагерях. Различные стороны финского оккупационного режима нашли отражение в работах А. Лайне, Э. Пиэтола, Т. Вихавайнена, Н. Лаппалайнена и др. [3], [6], [7], [8], [12], [21]. Особое место в финляндской литературе занимает работа Марьи-Леены Миккола «Потерянное детство: в плену у финских оккупантов в 1941–44 гг.» [23]. В ней представлены 16 свидетельств жителей Карелии, которые детьями содержались в финских концлагерях. Бывшие малолетние узники рассказали о страданиях и унижениях, через которые прошли дети во время финской оккупации.

К сожалению, приходится констатировать и тот факт, что в финляндской историографии оккупационной политики в Карелии до сих пор не прекращаются попытки «обелить» финский

оккупационный режим, стереть память о жертвах среди мирных граждан в концлагерях на оккупированной территории Карелии. В качестве примера можно назвать книгу Гуннара Розена «Финны в Восточной Карелии: сотрудничество между Военной администрацией и Финским Красным Крестом», в которой поставлена задача избавиться от травмы, нанесенной финскому народу искаженным представлением о характере «концентрационных лагерей» (автор берет их в кавычки) и оккупации Восточной Карелии [24: 10].

До сегодняшнего дня серьезной проблемой в российско-финляндском дискурсе остаются финские концлагеря для мирного гражданского населения, попавшего в зону финской оккупации. Некоторые финляндские исследователи считают, что нельзя ставить знак равенства между финскими и немецкими концлагерями. Конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей на непосильных работах, в ходе медицинских экспериментов либо в газовых камерах. Задача финских концлагерей была принципиально иной – изоляция и последующее выселение некоренного населения (не националов), и это не предполагало истребления заключенных [8]. По мнению известного финляндского историка Антти Лайне, «финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. Более точное их название “лагеря для перемещенных лиц”» [20: 185]. Этой же точки зрения придерживается большинство финляндских исследователей. Одновременно А. Лайне считает, что в широком смысле финские лагеря можно охарактеризовать как лагеря для интернированного русского населения, где содержались не националы до их предстоящего выселения из Восточной Карелии [20: 125]. Однако термин «лагеря для интернированных» так и не вошел в научный оборот. С этим утверждением финских авторов трудно согласиться тем, кто пережил два с половиной страшных года в концлагерях, кто потерял и оплакивает до сих пор своих родных, близких и знакомых, безвинно погибших от голода, болезней и унижения. По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый сложный период войны Финляндии против СССР (1941–1942 годы) финский режим на территории оккупированной Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия финских концлагерей были таковы, что русские люди погибали без специально поставленной задачи по их уничтожению. Сейчас существует общественная организация «Карельский

союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КСБМУ), которая осуществляет неформальную заботу об этих людях, оказывает им материальную и моральную поддержку.

Еще один дискуссионный вопрос в полемике российских и финляндских исследователей – это количество советских людей, погибших в финских концлагерях для гражданского населения. До сих пор нет точных данных об этом. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за последние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22 000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась» [6: 43]. Финляндский исследователь Гуннар Розен считает, что в петрозаводских лагерях в 1942 году умерло 3017 человек, что составило около 15 % от общей численности заключенных, а во всех лагерях до конца 1942 года – 3516 человек, в основном это были старики и дети [24: 127]. Юкка Куломаа приводит свои цифры умерших в петрозаводских концлагерях в 1941–1944 годах в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944»:

«Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г. Яанислинны (Петрозаводска. – С. В.) умерли 4003 человека, из которых 3467 человек – в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442–458 человек и в период с января по июнь 1944 г. – в общей сложности 73 человека» [5: 75].

Странно отметить, что уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 году был даже большим, чем в немецко-фашистских (13,75 % против 10 %) [13: 122].

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений финских оккупантов называется цифра свыше 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях³. Этой проблемой занимался карельский историк К. А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, расстрелов погибло свыше 14 тыс. советских людей, или 1/5 часть оставшихся на оккупированной территории. Это не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии [10: 80]. В этой связи стоит согласиться с мнением финского военного историка Х. Сеппяля:

«На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании

их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно. Об именах умерших в концлагерях, датах их рождения и причинах смерти нет никаких упоминаний. Некоторые из умерших занесены в списки дважды, другие не записаны вовсе. Из списков невозможно получить сведения о количестве умерших. Сведения 1942 года еще как-то читаемы. Но сведения следующего года совершенно запутаны. Списки являются подтверждением того, насколько безразлично относились финны к заключенным» [14: 113].

Однако до сих пор большинство финляндских исследователей считают, что в концлагерях погибло около 4 тыс. мирных граждан, ссылаясь при этом на списки умерших в оккупированном Петрозаводске, которые несколько лет назад были переданы в Национальный архив Республики Карелия. Но, во-первых, эти данные охватывают только период с февраля 1942 по июнь 1944 года, а люди умирали и ранее – во второй половине 1941 года; во-вторых, сами списки умерших велись крайне небрежно, мы видим много перечеркнутых фамилий или вписанных дважды. Следует признать, что для оккупантов количество погибших русских людей не являлось существенным вопросом. Мы до сих пор не знаем точно, сколько мирного гражданского населения погибло в концлагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах.

В последние три года дискуссии между российскими и финляндскими исследователями по проблеме финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах вышли на новый уровень. Это связано с тем, что в 2019–2020 годах в Российской Федерации осуществлялся масштабный проект «Без срока давности», цель которого – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. Составной частью проекта являлась подготовка и издание серии сборников архивных документов «Без срока давности» в 22 регионах России, на территории которых оккупанты совершили массовые акции геноцида в отношении мирных жителей. В рамках реализации указанного проекта в Петрозаводске силами научных сотрудников Национального архива Республики Карелия с привлечением преподавателей и студентов Петрозаводского госуниверситета был подготовлен региональный том сборника архивных документов «Без срока давности», посвященный политике Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, раскрывающий преступления финского оккупационного режима против мирных граждан. В процессе подготовки составители поставили задачу расширить источ-

никовую базу, понимая, что значительная часть архивных документов находится в ведомственных архивах Республики Карелия. Национальный архив Республики Карелия сделал официальный запрос в адрес Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия и получил положительный ответ. В середине апреля 2020 года более 4 тыс. рассекреченных архивных документов, посвященных оккупационной политике Финляндии на территории Карелии в 1941–1944 годах, в том числе и материалы о преступлениях финских оккупантов против мирных советских граждан в период Великой Отечественной войны, были переданы из ведомственного архива в Национальный архив Республики Карелия. Часть из них вошла в региональный том⁴, издание которого было осуществлено в ноябре 2020 года к 75-летию Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками.

Рассекреченные архивные документы по финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах были проанализированы и включены в книгу С. Г. Веригина и А. В. Машина «Геноцид в Восточной Карелии», которая вышла в конце 2020 года в Финляндии на финском языке [28]. Авторы отмечают, что финские оккупанты, в отличие от немцев, не расстреливали массово гражданских лиц, не применяли газовые камеры и не сжигали целые деревни, во многом поэтому их преступления на протяжении долгого времени оставались в тени преступлений нацистов. Но рассекреченные документы свидетельствуют, что оккупационная политика финских властей, включающая условия проживания, нормы питания, трудовую повинность в концлагерях, приводила к гибели тысяч мирных людей, в том числе несовершеннолетних и детей, и без применения оружия. Ее можно охарактеризовать как геноцид против мирного русского, в целом не финно-угорского населения. Преступления финского режима по своему характеру относятся к категории «преступлений против человечности», это преступления без срока давности.

После публикации РИА «Новости» в рамках проекта «Без срока давности» рассекреченных архивных документов о финских концлагерях, а также обращения в Следственный комитет РФ членов Союза бывших малолетних узников финских концлагерей (Петрозаводск) Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о фактах геноцида финской администрации против мирного населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах.

Следует подчеркнуть, что новые рассекреченные архивные документы, а также факт возбуждения Следственным комитетом РФ уголовного дела по статье «Геноцид» вызвали большой интерес не только в России, но и в Финляндии. В соседней стране в дискуссию по проблемам финского оккупационного режима в Карелии включились политические и государственные деятели, журналисты и историки. Практически все они не согласны с утверждением о геноциде финской администрации против мирного гражданского населения Карелии в 1941–1944 годах. В качестве примера можно привести статью известного финского историка Антти Лайне, опубликованную 24 апреля 2020 года в газете «Iltasanomat» («Вечерние новости»). Цель статьи, судя по анонсу, опровергнуть заявление Следственного комитета России о геноциде в Карелии в период финской оккупации республики в 1941–1944 годах. Лайне пишет, что финские действия сильно отличались от немецких, а концентрационные лагеря (автор в статье называет их лагерями для интернированных) для русского населения создавались из страха, что оно может начать партизанскую деятельность и диверсии. Однако хорошо известно, что впервые о концлагерях речь зашла в приказе главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма № 132 от 8 июля 1941 года за день до перехода в наступление финских войск – Карельской армии в направлении севернее Ладожского озера. 4-й пункт приказа гласил: «Русское население задержать и отправлять в концлагеря» [5: 63]. И здесь Лайне противоречит сам себе. Еще не захвачена значительная часть территории Карелии, еще не началось партизанское движение, на которое ссылается Лайне, а участь русского населения уже была решена. Нельзя согласиться и еще с одним утверждением автора о том, что финны были не обычными оккупантами, поскольку начали организовывать школьное образование

и формировать социальную систему для жителей на захваченной территории Восточной Карелии. Но Лайне прекрасно знает, что все это создавалось только для финно-угорского населения Карелии, а русское население в это время умирало в концлагерях и других местах принудительного содержания. Ранее он писал в своих опубликованных работах, что политика финских оккупационных властей в Карелии в 1941–1944 годах предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, ингерманландцы, советские финны должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами чистого в расовом отношении финно-угорского государства – Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, основную массу которых составляли русские, рассматривались как мигранты, их надо было помещать в концлагеря с последующим выселением за пределы Карелии в другие регионы, захваченные союзником Финляндии – нацистской Германией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современной российской и финляндской историографии сложилась вполне определенная картина оккупационной политики Финляндии в 1941–1944 годах на территории захваченной Карелии. Однако многие ее стороны, в первую очередь преступления финского режима против мирных граждан, продолжают оставаться в центре дискуссий российских и финляндских историков, они требуют дальнейшего исследования и взвешенной историко-юридической оценки. Нет единой позиции и по вопросу о том, можно ли финскую политику в отношении мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах назвать политикой геноцида против мирных граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков: Сб. документов. М., 1944. 101 с.; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945. 302 с.

² Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 года между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по реке Свири, побережьям Онежского озера и Белого моря. Это примерно в границах нынешней Республики Карелия.

³ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944. С. 9.

⁴ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник архивных документов / Федеральное архивное агентство и др.; Авторы археографического предисловия: Е. В. Рахматуллаева, Е. В. Усачева. М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле, 2020. 480 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. 544 с.
2. Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73–76.
3. Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. 288 с.
4. Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим // Отечественная история. 2006. № 4. С. 76–81.
5. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. 277 с.
6. Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
7. Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 г.) // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.); Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.
8. Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 98–103.
9. Макуров В. Г. О новых материалах по истории Карелии периода Второй мировой войны // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.); Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 91–98.
10. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. 287 с.
11. Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. 615 с.
12. Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 / Пер. с фин. К. Гнетнева // Север. 1990. № 12. С. 91–127.
13. Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. 386 с.
14. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.
15. Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII–XX в.). Петрозаводск, 2005. С. 142–151.
16. Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы Республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 2001. С. 37–46.
17. Юсупова Л. Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 24–33.
18. Куломаа Ј. Äänislinja. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989. 286 p.
19. Куусинен О. В. Suomi ilman naamiota. Moskva, 1944. 91 p.
20. Laine F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 487 p.
21. Lappalainen N. Äänisen rannoila. Porvoo, 1989. 260 p.
22. Merikoski V. Suomalainen sotilashallinto Itä-Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1944. 105 p.
23. Mikkola V.-L. Menetetty lapsuus suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2004. 338 p.
24. Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristinyhteistoiminta 1941–1944. Helsinki, 1998. 274 p.
25. Seppälä H. Itsenäisen Suomen puoluspolitiikka ja strategia. Porvo, Helsinki, 1974. 349 p.
26. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvo, 1984. 267 p.
27. Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989. 173 p.
28. Verigin S., Mashin A. Itä-Karjalan kansanmurha. Todistusaineisto suomalaisen miehityshallinnon rikoksista ihmisyytta vastaan jatkosodan aikana 1941–1944. Helsinki, 2020. 180 p.

Поступила в редакцию 10.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petrsu.ru

FINNISH OCCUPATION OF KARELIA IN 1941–1944: DISCUSSIONS BETWEEN RUSSIAN AND FINNISH HISTORIANS

A b s t r a c t. The relevance of addressing the issue of the Finnish occupation of Karelia in 1941–1944 is caused by the intensification of discussions between Russian and Finnish historians about the essence of the Finnish occupation

regime, its impact on the civilian population of the part of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic occupied by the enemy. The main dispute among the historians unfolds over the issue of the Finnish administration's genocide policy against civilians in Karelia. While admitting the facts of crimes against the civilian population, most Finnish researchers deny the very term "genocide", believing that the Finnish occupation regime in Karelia differed significantly from the Nazi regime established by Germany in the occupied territories of the Soviet Union during the Great Patriotic War. The article highlights other debatable issues between Russian and Finnish researchers: concentration camps and labor camps, the number of deaths in places of detention, facts of collaborationism among the local population, etc. The paper draws on the Russian and Finnish studies of this issue and memoirs. The novelty of the study is that it introduces declassified archival documents from the Russian state and departmental archives.

Key words: Finnish occupation, Karelia, Great Patriotic War, historiography, concentration camps, genocide

For citation: Verigin, S. G. Finnish occupation of Karelia in 1941–1944: discussions between Russian and Finnish historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Karelia during the years of military trials. The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 544 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. National policy of the Finnish occupation authorities. *Russian History*. 2006;4:73–76. (In Russ.)
3. Vihavainen, T. Stalin and the Finns. St. Petersburg, 2000. 288 p. (In Russ.)
4. Kiseleva, O. A., Nikulina, T. V. The civilian population and the occupation regime. *Russian History*. 2006;4:76–81. (In Russ.)
5. Kulomaa, Yu. Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
6. Laine, A. The civilian population of Eastern Karelia under Finnish occupation during World War II. *Karelia, Finland and the Arctic during World War II*. Petrozavodsk, 1994. P. 41–43. (In Russ.)
7. Laine, A. National policy of Finnish occupation authorities in Karelia (1941–1944). *Issues of the history of the European North (problems of social economy and politics: from 1860s to the late XX century): Collection of research articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 99–106. (In Russ.)
8. Laine, A. National question in the Finnish occupation policy in Soviet Karelia during World War II. *The European North: history and the present*. Petrozavodsk, 1990. P. 98–103. (In Russ.)
9. Makurov, V. G. New materials on the history of Karelia during World War II. *Issues of the history of the European North (problems of social economy and politics: from 1860s to the late XX century): Collection of research articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 91–98. (In Russ.)
10. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War. Petrozavodsk, 1983. 287 p. (In Russ.)
11. Essays on the history of Karelia. Vol. 2. Petrozavodsk, 1964. 615 p. (In Russ.)
12. Pietola, E. Prisoners of war in Finland. *Sever*. 1990;12:91–127. (In Russ.)
13. Semiryaga, M. I. The prison empire of Nazism and its collapse. Moscow, 1991. 386 p. (In Russ.)
14. Seppjala, H. Finland as an occupier. *Sever*. 1995;4–5:96–113; 1995;6:108–128. (In Russ.)
15. Chumakov, G. V. Finnish concentration camps for the civilian population of Petrozavodsk in 1941–1944. *Issues of the history of the European North (People and power: problems of mutual relations, from the 1780s to the late XX century)*. Petrozavodsk, 2005. P. 142–151. (In Russ.)
16. Shlyakhtenkova, T. V., Verigin, S. G. Concentration camps in the system of Finnish occupation policy in Karelia in 1941–1944. *Karelia during the Great Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the republican research and practice conference dedicated to the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Petrozavodsk, 2001. P. 37–46. (In Russ.)
17. Yusupova, L. N. The Great Patriotic War in Karelia in the historical and anthropological dimensions: the phenomenon of military childhood. *Man and war: pages of Russia's military history: Collection of research articles*. Petrozavodsk, 2005. P. 24–33. (In Russ.)
18. Kulomaa, J. Äänislännä. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989. 286 p.
19. Kuusinen, O. V. Suomi ilman naamiota. Moskva, 1944. 91 p.
20. Laine, F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 487 p.
21. Lappalainen, N. Äänisen rannoila. Porvoo, 1989. 260 p.
22. Merikoski, V. Suomalainen sotilashallinto Itä – Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1944. 105 c.
23. Mikkola, V.-L. Menetetty lapsuus suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2004. 338 p.
24. Rosen, G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristinyhteistoiminta 1941–1944. Helsinki, 1998. 274 p.
25. Seppälä, H. Itsenäisen Suomen puolustpolitiikka ja strategia. Porvo; Helsinki, 1974. 349 c.
26. Seppälä, H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvo, 1984. 267 p.
27. Seppälä, H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989. 173 p.
28. Verigin, S., Mashin, A. Itä-Karjalan kansanmurha. Todistusaineisto suomalaisen miehityshallinnon rikoksista ihmisyytta vastaan jatkosodan aikana 1941–1944. Helsinki, 2020. 180 p.

Received: 10 February, 2022; accepted: 30 June, 2022